

синхронизацию как построение человеческого острова посреди мировой неустойчивости, и из идеологически-поисковой формы мышления. Только в этом и будет заключаться настоящий синергический эффект.

Наука и цивилизационные ценности

С.Е. Кургинян, руководитель Экспериментального творческого Центра

Я внимательно слушал собравшихся. Заодно учился. Никогда не знал, что о высших ценностях можно беседовать в режиме «блиц» (5 минут выступающему). Теперь знаю, что можно. Еще я завидовал песочным часам, с помощью которых удастся осуществить смысловой «блиц». Радовался умным мыслям. И предавался другим невинным забавам, никак не думая выступать. Считаю себя негодным для такого режима.

Но тут начался разговор о властной востребованности интеллектуального продукта. Выступавший вдобавок подчеркнул, что он не ученый. И тогда я набрался мужества для того, чтобы поучаствовать в «блице» на смысловую тему.

Ну, так вот. Если обсуждаемая тема: «Гуманитарная наука и высшие ценности Российского государства», — то, как не может не понимать мой друг Александр Иванович Неклесса, тут налицо тринитарная концепция. Тут не диада: «гуманитарная наука и нечто». Тут триада: «гуманитарная наука — высшие ценности — Российское государство».

Начнем с понятия «гуманитарная наука». Это ведь не аксиоматическое понятие. Кто-то считает, что «гуманитарная наука» вообще проблематична. Что наука требует «субъект-объектных отношений». А гуманитарная наука не может обойтись без отношений «субъект-субъектных». Альтернативой понятию «гуманитарная наука» является понятие «гуманитарное знание».

Не любое знание является наукой! Это очень крупная проблема XXI в. Да и не только XXI-го. Когда Бэкон сказал:

«Knowledge is power in itself» — он же имел в виду знание, а не науку. Что такое внеаучное знание, знание, не сводимое к науке? Властное знание вообще? Это отдельный вопрос. Назову его вопросом № 1. Его трудно раскрывать в жанре «блиц».

Еще более острый вопрос — назову его вопросом № 2 — наука и ценности. Должна ли наука обсуждать ценности? Аксиология — это наука? Возможно ли сциентическое отношение к ценностям, при котором они не будут «убиты»? Почему наука, а не культура должна заниматься ценностями? Или ценностями должно заниматься «другое знание»? Назовем его, например, метафизическим. Понимая, что жанр — «блиц», умолкаю.

Вопрос № 3 — ценности и цели. Что первично — курица или яйцо? Ценности или цели? Первичность ценностей — аксиома для консерваторов. Да и то... Мягко говоря, для специфических консерваторов. А есть школы, в которых все задается иначе. Сначала идеальное. Потом образ цели. А потом — ценности как производные от цели.

Тоже — далеко не «блиц» тема. Но жанр-то — «блиц». О`кей, подчинимся жанру.

Блиц-жанр предполагает метафору. Или притчу. Вот я этим и займусь. Зная все о судьбе программы Явлинского «500 дней» (была такая затея при Горбачеве), я все думал, как Горбачев отделается от Явлинского, с которым себя уже связал. Я на 100 процентов знал, что он будет отделяться. Мне было интересно как? И я все выдумывал длинные схемы. А Горбачев меня посрамил. Он отделался с помощью двух коротких фраз: «Все говорят: «Программа Горбачева, программа Горбачева»... Не я писал — УЧЕНЫЕ писали». В слове «ученые» было бесконечное презрение. И я тогда решил для себя, что ученым в том смысле, в каком это понимал Михаил Сергеевич, никогда не буду.

Итак, есть knowledge (наука или нет — дело второе). И есть power. А между ними — пропасть. Как ее преодолеть? Особенно, если power — прагматики. То есть, не теоретики.

Есть два способа.

Один — обычный и тупиковый. Ученые обсуждают теорию. Потом приходят прикладники. А потом прикладники передают знание «инженерам власти». Это один путь. Долгий и тривиальный. Притом надежный. Заказчик будет доволен.

Другой путь — говорить сразу на интеллектуально-властном языке. На языке элитной ответственности. Но это не научный язык. Это не академический язык, это не язык научного дискурса.

На каком языке вы собираетесь говорить? Вот тут было сказано: «синергично». Что стоит за словом?

Приведу простой пример. Президент Путин выступил в Мюнхене. Реагируя на это, президент Буш сказал, что он уже 8 лет другу Владимиру объясняет ценности Западной цивилизации. «Друг Владимир» промолчал.

Все. Или не все?

Если все, то нас нет. А я вот считаю, что не все. Я уже 8 лет обсуждаю с разного рода «иноземными элитариями» эту проблему. И говорю им: «Ну, снизойдите до моего невежества! Ну, объясните мне, что такое ценности Западной цивилизации? Вы не объясняйте это 8 лет «другу Владимиру». Вы скажите специалистам по ценностям, каковы ваши ценности? И что вы имеете в виду под ценностями. Потому что сама демократия — это не ценность. Это очень важное средство утверждения ценностей. Но ценности-то — в чем?

Если в некоей стране одна партия будет консервативно-каннибалистической и будет считать, что нужно есть всех, а другая будет либерально-каннибалистической и будет считать, что можно есть только детей... Если будет свободная пресса, свободно обсуждающая каннибалистическую повестку дня (кого есть — детей или всех подряд) ... Если будет двухпартийный каннибалистический парламент и каннибалистический же консенсус, — то значит ли это, что в этой стране окончательно победили ценности Западной цивилизации? Или что все будет постепенно сдвигаться к ценностям Западной цивилизации? А почему это оно будет?

Абстрактный вопрос? Отнюдь нет!

Что такое демократия в Ираке? Это нонсенс. Это прикрытие для чего-то другого. Чего? У Западной цивилизации были ценности — прогресс, гуманизм и прочее. Но эти ценности они реально похерили, начиная с проповедей «Римского клуба» по поводу ограничений развития.

А поведать миру откровенно о новых ценностях — не захотели. Ни миру вообще, ни нам. Один знакомый иностранец мне говорил: «Вы проблематизировали для меня ситуацию. Может, с русскими стоит обсуждать стратегию? До разговора с вами мне ясно было, что ее обсуждать нельзя. Что в доме повешенного не говорят о веревке. Какой может быть диалог о стратегии, если вас уже нет... А теперь я думаю — может, стоит поговорить?»

Итак, высшие ценности Российского государства... Начинаем обсуждать. А контекст? А рамка обсуждения? Западные ценности... Глобальные ценности... Это все как обсуждаем? Это ведь закрытые вопросы!

Я, например, уверен, что новые ценности Запада предполагают существование мира, где периферия усиленно архаизируется. Что эта архаизация входит в ценности. Но только никто этого не скажет напрямую. Потому что даже негде говорить, нет адекватной площадки. И нет языка. На академическом языке это не обсудишь. На прикладном — тоже.

Значит, нужен язык интеллектуально-элитной ответственности. А это не язык науки вообще. А значит не дело ученых. К вопросу о фразе Горбачева: «Не я писал — УЧЕНЫЕ писали».

Не знаю, поняли ли вы что-нибудь из этого моего «блиц».

Если нет — могу начать не с властного конца, а с того, что называется знанием. Здесь говорили о Гегеле. Вот вам, пожалуйста, проблема соотношения «нового духа» и «духа истории» в гегельянстве и постгегельянстве. Абстрактный вопрос? Ой ли! А Фукуяма с его «концом истории»? Это же уже конкретный вопрос! Но Фукуяма — ученик Кожева.

А Кожев — неогегельянец. Значит, «конец истории» понимается как приход царства «нового духа». А как иначе называется это царство? Царство игры!

Высшие ценности Российского государства — это ценности игры или ценности истории? Как сочетается «новый дух» с «историческим духом»? Это высочайшая проблема гегелевской и постгегелевской философии. И одновременно — проблема власти.

Итак, можно начать с власти и прийти к знанию. Можно начать со знания и прийти к власти. А можно взять промежуточную точку — метод.

Ведь все, что мы говорим о науке и знании... Начиная с «философии жизни» Дильтея, рассматривался этот вопрос. Вопрос о синтезе объяснения и понимания, субъект-объектного и субъект-субъектного... Этот синтез уже не является наукой, но является знанием. И это актуальнейшая проблема XXI века. Ее неправильно называть «проблемой новой науки». Тут надо говорить о месте ценностей в науке (любимая тема Поппера). Если мы признаем, что ценностей в науке нет, — что такое гуманитарная наука и ценности? А если ценности есть, то что это за наука?

Между тем, речь идет не только о синтезе гуманитарного и естественного. Чтобы ценности вошли в новый формат описания, нужен синтез науки и культуры. Он возможен? Он невозможен?

Здесь тоже будем применять технологию «блиц»?

А то, возможен ли такой синтез, зависит уже от совсем других проблем... Ну, не знаю... Вот вам политическая и одновременно интеллектуальная проблема: «подлинность». «Подлинность как альтернатива пиару». «Подлинность и телевидение».

Если верить Лакану и его компании, то подлинности нет вообще. И нет ничего, кроме текста. Так есть что-то, кроме текста? Поступок обладает надтекстуальным значением? Возможно ли надтекстуальное значение вне эгрегора? Существует ли эгрегор вне прямой религиозной заданности,

за рамками классического религиозного сознания? Метафизика и религия как связаны?

Вот вам еще одна блиц-проблема.

И наконец «least, but not last». Есть актуальнейшая политическая проблематика, являющаяся одновременно суперинтеллектуальной. Речь идет об истории. Истории как таковой. Истории вообще. Может быть, собравшиеся здесь философы не чувствуют остроты этой проблемы, а я чувствую. Может быть, теологи не чувствуют, чем им грозит «предъява», при которой история тотально порочна, ибо начинается с грехопадения, с изгнания Адама из Рая?

А семь дней Творения — это не история?

Когда Василия Родзянко привезли в Троице-Сергиеву Лавру, и он начал излагать концепцию, согласно которой космологический «Большой Взрыв» — это грехопадение... Это религия или политика? 2-й Ватиканский собор заявил, что «Большой Взрыв» — это начало сотворения мира. А значит, созданная Вселенная — изначально благая. Родзянко же заявил, что Большой Взрыв — это грехопадение. А значит... созданная Вселенная изначально греховна?

Политическая актуальность темы понятна?

Такие вот у меня соображения в жанре «блиц»...

Перед тем, как умолкнуть, предлагаю всем присутствующим еще раз соотнести себя с мудрым высказыванием М.С. Горбачева: «Не я писал — УЧЕНЫЕ писали». Так интеллектуалы здесь собрались или... Или УЧЕНЫЕ?

От академического знания к практическим задачам

**С.С. Сулакишин, доктор физико-математических наук;
доктор политических наук**

Наша дискуссия разделилась как бы на два измерения. С одной стороны, на первом заседании семинара мы стремимся понять, зачем сюда попали, чем будем здесь зани-